

Омерте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ПАРАДОКС ГРЕТХЕН

р о м а н

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Парадокс Гретхен : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-89440-6

С известной героиней «Фауста» Асю роднит изначально уготованная ей роль жертвы. Долгое время женщина не противится судьбе, но, сама не замечая, толкает на такой же путь собственных детей. Получается парадокс: она — и Гретхен, и Мефистофель одновременно. Но однажды Ася понимает: пора брать судьбу в свои руки. Только не поздно ли?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-89440-6

Часть I

1

Телефон звонил долго и назойливо, заставляя напрячься, вынуждая натягивать на себя одеяло и даже засовывать бедную голову под подушку в надежде, что вот-вот прекратится это проявление чьей-то ранней нахальной бесцеремонности. Наконец настойчиво-требовательные звонки смолкли, но не успела Ася вздохнуть с облегчением, как тут же оготело заверещал ее старенький мобильник, оставленный с вечера на тумбочке у кровати. Ну что ж, это уже серьезнее. От этих звонков голову под подушку не спрячешь и под одеяло ящерицей не нырнешь. Тем более что и имя, обозначившееся на ярком голубом дисплейчике, ей никак не позволяло поступить таким образом...

— Да, Жанночка, я тебя слушаю, — хрипловатым со сна голосом пробормотала Ася в трубку, все еще не решаясь окончательно раскрыть глаза. А вдруг у Жанночки минутный какой вопрос, который удастся быстренько решить и,

нажав на кнопку отбоя, снова погрузиться в желанный сон...

— Аська! Ну в чем дело-то? Ты почему трубку не берешь? Я звоню, звоню! Спишь, что ли?

— Так сегодня же суббота, Жанночка! Я выспаться наконец хотела...

— Ну и что? Не жить теперь, что ли, если суббота? Давай вставай быстро и ребят буди. Мы с Левушкой за вами через полчаса заедем.

— Жан, подожди... Как — через полчаса?! Мы же вчера не договаривались! Ты бы позвонила, предупредила. Мы и не готовы совсем...

— Да какая разница — договаривались, не договаривались! Так надо! У Левы обстоятельства изменились! У него сделка крупная срывается, вот и приходится для какого-то важного перца — чиновника поляну срочно накрывать! Левушке позарез его подпись в бумагах нужна! Так что давайте быстро-быстро собирайтесь и едем к нам на дачу. Надо, чтоб к приезду этого товарища все было готово: шашлык-машлык, водка-баня... И шевелись быстрее, Ася! Чего ты сопишь в трубку, как малолетка капризная? Почему я тебе растолковывать все должна, делать мне больше нечего, что ли? Раз сказала — надо ехать, значит, надо ехать!

— Жан, так может, я одна поеду? У ребят какие-то планы, по-моему, на сегодня...

— Ой, ну какие еще планы! Брось! Этот чиновник грозился вместе с семейством зава-

литься, а у него там дети... Кто их развлекать будет, по-твоему? Да и вообще, куда мы без Пашки, сама подумай! Сыночек твой со своими песенками у нас всегда идет как гвоздь программы... Давай, Ась, быстренько, ну что ты никак не врубаешься в ситуацию-то, господи! Только время на разговоры теряем, а нам еще на рынок надо заскочить, мясо для шашлыков выбрать... Давай, шевели помидорами, ну?!

— Да, Жанна, встаю уже...

— Ой, Ась, и пусть Пашка гитару не забудет, как в прошлый раз! Ты там проследи за ним. Ну, все — через полчаса выходите, чтобы мы вас не ждали, а то Лева психовать начнет...

Откинув одеяло, Ася села на постели, очумело потрясла головой. Господи, как же ей хотелось в это утро выспаться... Но ничего не поделаешь: надо подскакивать шустрым зайчиком и второпях собираться на Жаннину с Левушкой дачу — нельзя друзей подводить. Тем более — таких. За которыми и в огонь и в воду, и в любые обстоятельства, и чтобы обязательно при этом свою преданность и благодарность проявить. А главное — в ее, Асиной, дружбе крайнюю необходимость доказать...

Они дружили давно, еще с института. Еще когда и женаты не были. Правда, Жаннин Левушка с Асиным Павликом часто ссорились и даже дрались однажды по-настоящему, до выбитых зубов и свернутых прилюдно челюстей,

но все равно быстро мирились. Выясняли бурно отношения и вновь заключали мир. А когда поженились, дружили уже семьями: вместе ездили в отпуск, вместе отмечали все праздники, даже совместно, можно сказать, растили родившихся еще в студенчестве Асиных и Пашиных детей — своих-то у Жанны с Левушкой как-то не случилось... Вообще, хорошие были тогда времена: все жили примерно одинаково, и никто никому особо ничего не доказывал. Это потом все пошло-поехало кувырком так, что бывшие друзья начали распределяться по разным уровням материально-социального положения. А их дружбы, казалось, это пресловутое разграничение будто и не коснулось. Несмотря даже на то, что Левушка в победившем капитализме вполне удачно устроился, быстренько разбогатев-раздобрев, а Павлик так до конца и сохранил преданность своему несчастному НИИ и разрабатываемой в его лаборатории научной теме по сохранению каких-то там совсем уже погибающих природных ресурсов, бесконечно пребывая в длительных сибирских командировках. Дома лишь наездами бывал. Зато уж когда появлялся — у всех праздник наступал: и у Аси, и у детей, и у друзей... Хороший был у нее муж. Умный, талантливый, веселый. И жизнь свою короткую прожил — как песню пропел. Три года назад погиб в этой своей сибирской экспедиции, разбившись на стареньком вертолете над тайгой, оставив Асю одну

с двумя детьми на руках — семнадцатилетним Пашкой и четырнадцатилетней Светланкой — как хочешь, так и поднимай... С тех пор она дружила с Жанной и Левушкой уже одна, после смерти Павла испуганно и окончательно-намертво к ним прилепившись. Потому что надеяться ей было больше не на кого. Потому что они действительно и очень по-настоящему ей помогали: Левушка даже сам для Павлика хороший институт выбрал и плату за обучение сразу за пять лет вперед внес.

— Павлик, Светочка, вставайте! Ну же, быстрее! Мы собираемся и едем к Соколовым на дачу! И у нас всего полчаса на сборы! — Ася, суется, стала поднимать детей.

— Мам, ты чего? Звонишь над ухом, как будильник. Так и перепугать человека можно насмерть... — поднял на нее с подушки лохматую голову Павлик. — Что случилось-то?

— Павлуша, ну вставай же быстрее! Говорю тебе — срочно едем на дачу к Жанне и Лева! И гитару свою не забудь, как в прошлый раз...

— Мам, да куда я не поеду, ты что?!. Я с ребятами уже договорился — репетиция у нас! У меня ни минуты свободной сегодня нет!

— Павлик, да как же ты... Да ты... Ты вообще соображаешь, что ты говоришь? Дядя Лева на тебя надеется, а ты...

— А чего ему на меня надеяться, с какой стати? Я что, обязан его пьяных краснорожих гостей

развлекать? Тоже мне, друзья-акулы... Не хочу! Я им не публичный мальчик на разогреве!

— Паша, ну как тебе не стыдно, господи... Что ты говоришь такое... Дядя Лева на помощь твою так рассчитывает, а ты... Да он же тебя как родного сына любит! И вообще, надо уметь быть благодарным, Паша! Не ожидала я от тебя...

Ася всхлипнула, сжала горестно плечи и, закрыв лицо руками, вышла из комнаты сына, выразительно хлопнув дверью. Но, как только вышла, ладони от лица моментально отняла — некогда ей тут спектакли разыгрывать, надо еще Светку будить. Та еще строптивница. А Пашка и без того на ее слезы очень правильно среагирует — так, как надо...

— Мам, все, меня призывать к порядку не нужно, я уже сама встала! — выскочила из своей комнаты дочь. — Чур, я первая в ванную! Потому что я сегодня хорошая девочка, послушная! — проскакала она мимо Аси резвым козликком, взмахивая спутанными неестественно-белыми волосами.

— Да уж, послушная... — проворчала ей вслед, улыбаясь, Ася. — А кто вчера волосы взял и так дико-вульгарно высветлил? Ты стала похожа на продавщицу из овощной палатки! Вот тетя Жанна тебе сейчас покажет, где раки зимуют! Даже неудобно за тебя, ей-богу. Могла бы и совета у нее спросить! Тетя Жанна так любит, когда ты с ней советуешься...

Не успела она развернуться и уйти на кухню, как дверь в комнату сына открылась и выпустила на свет виноватого Пашку — на него материнские слезы всегда быстро и безотказно действовали. Если не злоупотреблять этим, конечно. А Ася и не злоупотребляет — просто сегодня случай особенный: раз Жанночка сказала Пашку привезти, значит, надо обязательно его привезти.

— Мам, да поеду я, поеду. Не реви только, ладно? Сейчас позвоню, ребят предупрежу. А кроссовки мои старые где?

— Не знаю, Паш. Да ты новые надень! Те, что тебе тетя Жанна недавно подарила, фирменные. Там какие-то люди нынче серьезные собираются, нехорошо быть плохо одетым. Левушку подведешь. А ребята твои обойдутся, можно и не звонить, подумаешь, репетиция у них... Что еще за репетиции такие, ей-богу?.. Вы что, выступать где-то собираетесь с вашей суматошной, крикливой музычкой? Лучше бы занимался больше, а не на гитаре бренчал попусту! Кстати, ты ее с собой не забудь взять, тетя Жанна просила напомнить...

— А зачем? — снова начал заводится Пашка. — Зачем гостям тети Жанны слушать мою крикливую музычку, как ты о ней отзываешься? Раз она такая плохая, так я и не навязываюсь! На вкус и цвет, мамочка, товарищей нет!

— Ну ладно, ладно, вечно ты ворчишь на меня... Ну сказала мать не то, уж и простить

ей нельзя? Иди-ка вон лучше сестру поторопи, а то и умыться не успеешь.

— Мам, а может, и Маргошу захватим? Она быстро соберется, тут же рядом! — с надеждой спросил юноша.

— Нет, сынок, неудобно. Они про Маргошку ничего не говорили. По-моему, она им не очень и нравится, девица твоя, да и места в машине для нее не будет...

Не любила Ася Пашкину девушку, не лежала к ней душа почему-то. Несмотря на то, что сын встречался с ней уже пять лет — с восьмого класса дружат, девушка все равно оставалась чужой для Аси. Да и Маргоша в дружбу особо не стремилась, держалась на дистанции, улыбалась только вежливо-равнодушно, приходя в гости, и все...

Левушкин «Лексус» уже ждал их у подъезда. Жанна, уместив свои внушительные тела на переднем сиденье, нервно и нетерпеливо курила в открытое окно и очень презентабельно смотрелась в кокетливо повязанном, по молодежной моде, платочке на голове и черных стильных очках, зачем-то присобаченных к этому платочку поверху. И правда, зачем — солнца-то никакого не было и в помине, небо еще с вечера заволокло хмурыми, тяжелыми тучами, и вот-вот грозился пойти нудный осенний дождь. Но Ася знала: это он здесь, в городе, надоедливый, а в желто-красном осеннем лесу совсем даже и

наоборот — тихий и задумчивый, оттеняющий влажно-теплую красоту природного чувственного увядания. И вообще, легкая сырость лесу всегда к лицу: и дышится легче, и краски мягче. И для стареющей женской кожи этот лесной влажный воздух тоже весьма полезен...

— Привет, Аська! Здорово, Пал Палыч! Светка, наше вам с кисточкой... Садитесь быстрее, опаздываем! — улыбнулся им, выйдя из машины, Левушка. — Давай, Пашка, грузи гитару в багажник...

— Светка, ты с ума сошла? — недовольно уставилась Жанна на девочку, выщелкнув окурок в окошко, и даже головой резко и возмущенно дернула так, что стильные ее очки чуть не свалились с платочка на нос. — Ты когда успела себя испохабить-то? Сейчас с такими соломенными патлами уже и не ходит никто! А ты, мать, куда смотрела? — обернулась она к уже примостившейся на заднем сиденье Асе.

— Да разве за ней усмотришь? — Ася расстроенно махнула рукой. — Я сама, как вчера увидела, чуть в обморок не упала...

— Светка! Я понимаю, ты мать проигнорировала — она для тебя не авторитет. А со мной почему не посоветовалась? Ну, ты даешь... А я хотела в понедельник тебя на шопинг с собой взять! Приодеть хотела на сезон грядущий, а ты вон что... Эх, ты... Сейчас и по магазинам-то приличным с тобой стыдно будет пройтись —

на лахудру с рынка стала похожа. Не ожидала я от тебя дурасти такой...

— Ну, что теперь поделаешь, тетя Жанночка? Значит, не судьба мне с вами на шопинг пасть! И в самом деле, не позориться же? — садясь вслед за матерью в машину, с девчоночьим озорным вызовом произнесла Света, за что Ася незаметно, но довольно-таки сильно дернула ее за руку: заткнись, мол, я тебя умоляю...

Жанна любила брать с собой Свету на шопинг, Асю почти никогда не приглашала, а вот девочку звала в эти рейды с удовольствием. Да и сама Ася не претендовала на участие в этих походах по дорогушим магазинам. От одного только взгляда на ценники у нее нервная тошнота подступала к горлу и ступор какой-то находил — ну какая из нее, в таком-то состоянии, советчица подруге... За этими космически невероятными цифрами она и одежды-то самой, как таковой, не видела, а только автоматически сравнивала эти цены со своей зарплатой да замирала от тихого ужаса. А Света — та ничего. Потрясения не испытывала и от ужаса не замирала: и зарплаты у нее еще своей не было, и сравнений неприятных тоже, естественно, пока никаких не возникало...

А в магазинах Жанна ласково называла Свету «дочей». «Ну как, доча, мне это идет?» — кокетливо-громко спрашивала она, косясь на молоденьких продавщиц, собравшихся поглазеть

на этот миниатюрный спектакль под названием «успешная женщина с красивым ребенком на шопинге». Она и Светку в этих честолобивых походах обряжала-экипировала полностью, может, с еще большим даже удовольствием, чем себя. Образ из нее создавала, как писатель какой или художник. Или скульптор. Или модельер. Вдохновенно-творчески относилась к этому процессу. И Ася всегда потихоньку радовалась, что две ее основные и самые трудные материнские проблемы так удачно разрешились. И девочка престижно, дорого одета, потому как на девчоночьи стильно-модные прикиды никакой ее зарплаты не хватит, и мальчик в хороший институт с наличием военной кафедры учиться пристроен, что и проблему с армией тоже благополучно решает...

— Господи, Пашка, как же ты на отца становишься похож! — грустно произнес Лева, разглядывая юношу в зеркало заднего вида. — Он вот так же брови к переносице сводил, когда чем-то недоволен был... Чем недоволен-то, Пашка? А?

— Всем доволен. Счастлив даже. А что? С утра взяли и изнасиловали, можно сказать... Отчего ж не получить удовольствие?

— Ого! — рассмеялся весело Лева. — Смотри, как мы отвечаем! Весь, весь отцовский строптивый характер... Ну да ничего, Пашка, вот закончишь институт — и сразу ко мне на фирму пойдешь. Я твой характер переделаю.